

Октябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

7-8

Чехов в оценке английской и американской критики

В критической литературе на английском языке имя Чехова звучит как одно из величайших имен мировой литературы и драматургии. «Его почти единогласно считают величайшим русским писателем, величайшим мастером рассказа и драматургом современности», — констатирует «Энциклопедия Британика», говоря о популярности Чехова в Англии. Не менее высоко и признание Чехова в США: он — «несравненный рассказчик», «общепризнанный классик мировой драматургии».

Слава Чехова, как в Англии, так и в США возникла, конечно, не сразу. Его популярность росла вместе с популярностью других великих русских писателей, среди которых первым, оказавшим глубокое влияние на английскую литературу, был Тургенев.

«Тургенев был первым русским писателем, которого читали и которым восхищались в Западной Европе», пишет «Энциклопедия Британика». Из крупнейших английских писателей нашего времени одним из самых страстных поклонников Тургенева был Голсуорси, творчество которого носит на себе явные следы влияния Тургенева.

Арнольд Беннет, выдающийся английский писатель-реалист, говорит о том, что из всех писателей Тургенев оказал на него наибольшее влияние. По словам известного историка английской литературы Казамьяна, «Беннет почерпнул у Тургенева чувство сострадания, ничего общего не имеющее с сентиментальностью».

Тургенев нес в английскую литературу не только «мастерство в тонкой обрисовке характеров», «поэтичность» и «неподражаемое искусство пейзажной живописи», — качества, констатацией которых часто ограничивалась поверхностная критика в Англии и США, — но прежде всего столь характерное для русской литературы сочувствие человеку¹.

Недавно английский писатель и критик Бейтс писал в своей книге, посвященной рассказу как художественному жанру и мастерам этого жанра²: «Арнольд Беннет сам признавался, что особенное влияние на него оказал Тургенев. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день такое же признание сделает Хемингуэй».

Медленно, но неуклонно продолжает расти в глазах англичан и американцев Гоголь, проза которого так трудно поддается переводу на английский язык. Бейтс в упомянутой нами книге, указывая на мировое значение творчества Гоголя, замечает, что именно твор-

чество Гоголя с особенной яркостью знаменовало собой совершавшийся в мировой литературе переход от романтизма к реализму. По мнению Бейтса, Гоголь является одним из основоположников современного реализма и создателей формы современного рассказа. Кроме того, «Гоголь — отец всех тех писателей, которые верят в жизнь обычных людей». В репертуарных списках американских полупрофессиональных, полупрофессиональных «малых театров» нам встречался «Ревизор» («Inspector-General»)...

Медлительно, слишком медлительно пробивает себе путь к вершинам достойного его признания А. Н. Островский. Из пьес его наибольшей известностью пользуется «Гроза», шедшая и на английской и на американской сцене. Впрочем, профессор Калифорнийского университета Нойес в своей интересной антологии «Шедевры русской драматургии»¹ поместил из пьес Островского «Бедную невесту», объяснив это тем, что он хотел познакомить своих соотечественников с другой прекрасной пьесой драматурга.

Недавно в число переводчиков Островского включился Вивин де-Сола-Пинто, профессор литературы Ноттингемского университета, поэт и переводчик. Пинто страстный любитель русской литературы и поэзии. Он переводил и классиков и современных поэтов (К. Симонова, Н. Тихонова). Недавно он перевел «Лес» Островского, который и был исполнен в Ноттингеме весной этого года труппой любителей.

Знаменит, конечно, Горький. Но многие замечательные произведения Горького все еще остаются для англичан и американцев в тени. Тут виноваты не только переводчики, хотя проза Горького и чрезвычайно трудна для перевода.

Для иных реакционных, буржуазно-ограниченных английских и американских критиков идейное содержание творчества Горького является неприемлемым. Неприемлемой является поставленная Горьким проблема о смысле жизни, о ее назначении. По мнению автора статьи о Горьком в «Энциклопедии Британика» (изд. 1936 года), «Замечательный кинорежиссер создал великолепный фильм из пролетарской повести Горького «Мать». Но сама по себе эта повесть не является произведением, представляющим большую ценность». Автор статьи не мог, конечно, не похвалить фильма, стяжавшего шумную из-

¹ Legouis and Cazamian. «A History of English Literature» translated from the French by Mac Innes and the Author, London, 1927.

² H. E. Bates, «The Modern Story» London, 1942.

¹ G. R. Noyes «Masterpieces of the Russian Drama», New-York, 1933. Сюда вошли: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор», «Месяц в деревне», «Бедная невеста», «Горькая судьбина» Писемского, «Смерть Ивана Грозного», «Власть тьмы», «На дне», «Вишневый сад», «Профессор Старицын» Леонида Андреева и «Мистерия — Буфф».

вестность. Но он и здесь постарался умалить Горького.

На всем протяжении статьи он не нашел нужным даже упомянуть названия пьес великого писателя и ограничился беглым замечанием, что пьесы Горького «безнадёжно бесформенны». Однако переводные английские и американские критики считают «На дне» одной из лучших пьес мирового репертуара (эта пьеса шла и в Америке, и в Англии), и многие американские и английские писатели считают Горького в числе своих учителей. Можно бы привести много фактов, свидетельствующих о том, что вокруг Горького идет борьба на страницах английской и американской критики. Эта борьба идет и вокруг других русских писателей, в том числе и вокруг Чехова.

Можно привести много фактов, свидетельствующих о широкой и прочно укоренившейся славе Толстого и Достоевского. Англичане и американцы знают, что вне воздействия Льва Толстого не остался ни один действительно большой художник слова нашего столетия.

В Англии и Америке Чехов, наряду с Толстым, Достоевским и Горьким, стал «первым среди первых», а для многих «самым первым». Проза Чехова гораздо легче поддается переводу, чем, например, проза Горького. Чехов нашел неумолимых и превосходных воссоздателей его произведений на английском языке в лице переводчицы Констанс Гарнет и других мастеров перевода¹. У Чехова гораздо меньше «локального», чем, например, у Островского. Постепенно и все быстрее за последнее время, в дни отечественной войны, когда взоры народов Англии и Америки с восхищением устремлены на Советский Союз и когда многие англичане и американцы начинают по-настоящему оценивать культурные сокровища нашей родины, происходит раскрытие подлинной сущности творчества Чехова в сознании передовых и лучших ценителей литературы в Англии и США.

К влиянию Чехова на английскую и американскую литературу, к его широкой популярности в Англии и США нельзя подходить только с точки зрения, так сказать, количественного учета. Наряду с глубокой и верной оценкой Чехова на страницах английской и американской критики встречаем и грубые искажения самой сущности его творчества. Для реакционной критической мысли недоступной оказалась та вера в будущее русского народа, которая проникает все творчество Чехова, непонятным оказался и горячий пафос надежд и чаяний, которыми исполнены лучшие чеховские герои.

Если не знать и не понимать истории нашей родины, не знать и не любить советской России, — нельзя понять для чего жили и страдали герои Чехова, и как близок советским людям гуманизм Чехова.

С другой стороны, завзятые эстеты, скептики и литературные снобы всех мастей и

оттенков, не могли, конечно, не признать художественного мастерства Чехова, но вдуматься в его творчество им оказалось просто не под силу. Стоя на позиции эстетической, чисто субъективной критики, они разрушали образ Чехова и из обломков создавали портрет по собственному своему подобию... Наряду с этим, в английской и американской критике, в последнее время все чаще, встречаются глубокие и правдивые высказывания о Чехове. Именно сейчас Чехов одерживает в Англии и США не только победу, в смысле количественного расширения огромного круга его читателей, но и победу моральную, — в смысле более правдивого и глубокого понимания и истолкования его творчества.

Незаметно и непомимо, без открытой полемики, завязалась на страницах английской и американской критики борьба вокруг Чехова. Мы здесь не можем дать исчерпывающий очерк этой борьбы и остановимся лишь на нескольких наиболее типичных фактах.

В 1903 году в Англии вышла небольшая книжка рассказов Чехова в переводах Лонга. В предисловии переводчик говорит о Чехове как о «весьма мало известном в Англии писателе». «Имя Чехова, — пишет переводчик, — ничего не говорит широкому читателю». Творчество Чехова переводчик характеризует грубо неверно. Творчество Чехова проникнуто «отвращением к жизни». Так, с самого начала Чехов характеризуется как пессимист. Но, что могло заставить Лонга тратить время на переводы чеховских рассказов? Мы думаем, что тот пессимизм, который охватил некоторые слои английской интеллигенции в конце прошлого и начале нынешнего века, побуждал к любованию чеховской грустью и подмене этой грусти собственным пессимизмом. Недаром Лонг начинает свой сборник с «Черного монаха».

Но постепенно Чехов завоевывал более широкое признание и более правдивое истолкование. Здесь, как известно, значительную роль сыграл Бернард Шоу, — факт, уже отмеченный в нашей литературе (см. С. Балухатый, «Чехов-драматург», Гослитиздат, 1936 г.). В 1911 году на лондонской сцене был поставлен «Вишневый сад». Спектакль не имел никакого успеха¹. Публика нашла пьесу «слишком русской». По воспоминаниям свидетелей, из всех присутствовавших писателей, один лишь Бернард Шоу пришел в восторг, настаивал на общечеловеческом, а отнюдь не только русском значении пьесы, и говорил в антракте русским знакомым, что чуть ли не перестанет писать, — так сильно он чувствует исчерпывающее превосходство Чехова как психолога современности (З. Венгерова, «Бернард Шоу и Чехов», «Накануне», 1922, № 100, 5 августа лит. прилож. № 12).

Итак, Шоу, мимоходом отметив психологическую глубину произведений Чехова и пре-

¹ Впрочем, знаменитый американский режиссер Маргарет Уэбстер жалуется на переводы Чехова: «Иногда переводы неуклюжи и слишком буквально следуют идиомам, что хотя и точно, но для нашего уха непривычно».

¹ По свидетельству английского актера Майклса Редгрейва, это был очень плохой по исполнению спектакль. Следующие чеховские постановки в Англии: «Иванов» (1912). «Чайка» (1912). «Дядя Ваня» (1914). Лишь в середине 20-х годов Чехов снова появился на английской сцене.

восходство его в этом отношении над другими современными писателями («психолог современности»), сказал об общечеловеческом значении Чехова и тем самым присоединился к тем английским критикам, которые уже тогда начинали понимать общечеловеческое, мировое значение русской литературы. Сам Бернард Шоу не избежал впоследствии влияния Чехова, — влияния, которое, как известно, с особенной ясностью сказалось в его пьесе «Дом разбитых сердец» (1920). Недавно к сорокалетию со дня смерти Антона Павловича Бернард Шоу прислал телеграмму, в которой назвал Чехова «звездой первой величины».

Одним из первых английских критиков, высоко поднявших имя Чехова, был прославленный своими критическими статьями Мак Кэрти. Он опубликовал в 1914 году в журнале «Нью Стейтсмен» большую и блестяще написанную рецензию на спектакль «Дядя Ваня»¹. «Дядя Ваня», — пишет критик, — великолепная пьеса, которая никогда не изгладится из памяти», «Эти люди, описанные Чеховым, как чужды они и, вместе с тем, как близки нам!» Подробно описывая спектакль, критик старается передать тот трепет жизни и то богатство красок, которыми так богата пьеса Чехова. «Чехов, — пишет далее Мак Кэрти, — следует по стопам Тургенева... Но, по сравнению с Тургеневым, атмосфера, проникающая его произведения, кажется еще более душевной...» «Разве вы, — обращается к своим читателям Мак Кэрти, — не ощущали, гуляя по нашим английским полям или входя в наши английские дома, вот такого же удушливого тумана, заползающего к вам в горло?...» Мак Кэрти улавливает какое-то внешнее сходство настроений героев Чехова с настроениями, бродившими в то время в среде английской интеллигенции, и когда дает общую характеристику творчеству Чехова, он незаметно для себя подменяет портрет писателя автопортретом этой интеллигенции...

«Основная тема Чехова — разочарование в жизни, — пишет Мак Кэрти, — и есть изысканность в этой скорби». Мир реальных вещей, по мнению критика, как бы исчезает в творчестве Чехова. Истинную реальность обретают лишь настроения действующих лиц, лишь то, что происходит в их внутреннем мире: «Чехов описывает подлинную трагедию, происходящую во внутреннем мире действующих лиц. В их чувствах, в их душах, но не во внешних событиях».

Так велико было обаяние чеховского искусства и вместе с тем так значительно непонимание его истинной сущности, что поколение английских писателей, выступивших в литературе непосредственно после 1918 года, поколение «разочарованных», приветствовало Чехова как «своего» писателя. В их истолковании Чехов даже не пессимист, он созритель жизни, с грустной улыбкой следящий за ее вечными и бесцельными превращениями.

Даже Эдуард Гарнет, так много сделавший для популяризации Чехова в Англии, трещит подобными ошибками. Широко известно высказывание Гарнета: «Одна из наиболее живых и

ных черт искусства Чехова, как и его великих русских предшественников, заключается в том, что на фоне его образов всегда ощущается дыхание широкого океана человечности, крестьянских масс, и это видение скрытых глубин поднимает его образы над плоским, классово-ограниченным уровнем западно-европейской беллетристики».

А наряду с этим в чеховском портрете, написанном Гарнетом, проступают живые черты автопортрета. Ход жизни Чехова, по мысли Гарнета, проникнут фаталистической «неизбежностью». Гарнет вспоминает, что Чехов был врачом, и дает мировоззрению его следующее определение: «Научная пассивность».

Нельзя здесь не отметить, что и русской критике Чехов не сразу дался, и что эпитоны народничества, с одной стороны, и критики импрессионисты, с другой, толковали Чехова вкривь и вкось, как пессимиста или как созерцателя — «холодную кровь». А между тем великая красота и правда чеховского творчества пробивала путь к уму и сердцу читателей и находила все более правильную оценку. «Сегодня, — писал Миддлтон Мерри (Middleton Murry) в начале двадцатых годов, — мы начинаем понимать, как интимно близок нам Чехов; завтра, быть может, мы поймем, как бесконечно далеко он впереди нас». Об этом еще нераскрытом в творчестве Чехова богатстве интуитивно ощущали, но логически еще не осознали, писала известная английская писательница Верджиния Вульф: «Когда упоминают о русских писателях, чувствуешь, что писать о литературе, кроме русской литературы, является потерей времени... Русская литература наполняет читателя поразительным чувством свободы»¹. Из русских писателей наибольшее влияние на творчество В. Вульф оказал Чехов².

Каковы бы ни были истолкования творчества Чехова на страницах английской критики, слава великого русского писателя неуклонно росла из года в год, и все явственней ощущалось его влияние на английскую и американскую литературу, — согревающее влияние, если можно так выразиться, пробуждающее сочувствие к живому человеку.

Даже «Энциклопедия Британика», в истолковании Чехова стоящая на реакционных идейных позициях, должна была признать: «Его слава и его влияние за пределами России огромно выросли за последние годы», «Его почти единогласно считают величайшим русским писателем, величайшим мастером рассказа и драматургом современности». «Английские критики, — продолжает «Энциклопедия», — даже называли его величайшим драматургом со времен Шекспира». Увлеченная славой Чехова в Англии, «Энциклопедия» делает поспешное «присвоение» Чехова: «Если суждено появиться литературной школе Чехова, школа эта появится в Англии».

И в этой же статье проводятся самые реакционные взгляды на творчество Чехова. «Его (Чехова) психологизм проходит мимо индивидуума». Герои Чехова, оказывается, «не явля-

¹ Цит. «Reade», Main Currents in Modern Literature, London, 1935.

² См., например, A. K. Marble «A Study of the Modern Novel», 1937.

¹ D. Mac Carthy. «Uncle Vanya», The New Statseman, 16 May, 1914.

ются личностями». Не о личностях, а о настроениях говорит Чехов. Истинно реальным в его произведениях является настроение, в изменчивом потоке которого как бы растворяются отдельные личности.

Но как же с этой оценкой примирить огромное и благотворное влияние Чехова на английскую литературу, что признает Энциклопедия. В приведенном противоречии отразились, конечно, противоречия и борьба в общественной мысли реакционных и прогрессивных тенденций в Англии 20-х годов нынешнего столетия. Цитируемая статья была напечатана в Энциклопедии в 1926 г. В 1936 г. эта статья была перепечатана со значительными сокращениями, причем сокращения и пришлось за счет наиболее грубо небрежных высказываний.

И все же слава и влияние Чехова продолжала расти. Профессор Казамьян в его уже упомянутой нами «Истории английской литературы» (изд. на английском языке в 1927 г.), в труде, широко известном как в Англии, так и в США, говорит о влиянии русской литературы как об основном факторе в развитии современной английской литературы и современной английской драматургии.

«В драматургии,— пишет Казамьян,— не в меньшей степени, чем в художественной прозе, русское влияние является наиболее действительным». По мнению Казамьяна, к концу прошлого века значительная часть английской литературы была как бы скована французским влиянием, влиянием Флобера и Мопассана, несшим с собой культ внешней формы. В настоящее время английская литература освобождается от этого культа внешней формы, все в большей степени обнаруживая стремление к «реализму, откровенности в описании чувств, смелой общественной критике, свободному обсуждению всевозможных проблем». Этому процессу, как констатирует Казамьян, в значительной степени способствует влияние русской литературы... «Конкретное и, так сказать, непосредственное искусство русских писателей,— пишет он,— поставило перед английскими писателями образец, гармонирующий с врожденным влечением последних. Те позиции, которые терял Мопассан, завоевывал Чехов». И дальше: «Влияние русской литературы объясняется тем, что сущность этой литературы глубоко соответствует охватившему английских писателей стремлению к непосредственной правде». Направленность этого движения в английской литературе, совершающегося под влиянием русских писателей, Казамьян характеризует как «возвращение к национальной склонности». Итак, влияние русской литературы, как указывает Казамьян, является врагом культа внешней формы. Оно — мощный стимул, будящий «стремление к непосредственной правде». Оно, наконец, способствует возвращению английских писателей к исконным путям их отечественной литературы.

Говоря о влиянии русской литературы, Казамьян прежде всего назвал Чехова. К этому времени произведения великого русского писателя были не только переведены на английский язык и не только шли на сцене, но также и изучались. В 1923 году вышла монография о Чехове на английском языке (Gerhardi

«Anton Chekhov»). И все же лучшим, что было написано на английском языке о Чехове в те годы,— и, может быть, не только в те годы,— является небольшая, но замечательная статья Пристли, напечатанная в 1925 году в «Сэтердей Ревью»¹ и написанная по поводу издания на английском языке писем Чехова.

«Чехов уже оказал огромное влияние на английскую литературу,— пишет Пристли,— и влияние это ни в коем случае не исчерпало себя. Лучшие мастера нашей короткого рассказа откровенно признают, скольким обязаны они Чехову». Влияние Чехова, согласно Пристли, не только не исчерпало себя: «оно только еще началось». Пристли восхищается в Чехове краткостью, тем, «с какой простотой он констатирует факты». Чехов — глубочайший психолог. Но он не копается в психике своих героев. Он подходит к субъективному через объективное, ограничиваясь констатацией событий, действий, воспроизводя диалог. Но через внешнее мы, читатели и зрители, проникаем во внутренний мир его героев. Многие английские и американские критики провозглашали Чехова предшественником импрессионистов и «модернистов». Пристли проводит между последними и Чеховым резкую границу. «Чехов,— пишет он,— бесконечно далек от большинства наших модернистов, которые в своих произведениях, с первой главы и до последней, копаются в сознании своих героев и героинь». Пристли видит здесь принципиальное различие: «Модернисты» завершают период истории литературы, Чехов начинает новый. «Джеймс Джойс нашей литературы,— пишет Пристли,— не открывают собой новой эры, как воображают многие; наоборот, они завершают эру прошлого». Чехов же, по определению Пристли — «подлинный новатор». Как видим, точка зрения Пристли, крупнейшего современного писателя Англии, близкая к нашему пониманию Чехова, диаметрально противоположна статье в «Энциклопедии Британика».

Пониманию Чехова в Англии и США в большой степени способствовал Московский Художественный театр. Еще в 1919 году вышла на английском языке посвященная русскому театру книжка американца Сейлора².

Автор этой книжки восхищается МХАТом. Характеризуя чеховские спектакли — «Три сестры» и «Вишневый сад», — Сейлор тем самым характеризует и Чехова. «МХАТ, по словам Сейлора, создает своими чеховскими постановками новый театр, чуждый напыщенно-риторическому театру старого времени, а также театру футуристов и импрессионистов». «Чеховские спектакли в МХАТе — сама жизнь, а не подражание ей». Сейлор преклоняется перед «простотой и правдивостью Чехова».

Огромное влияние на дальнейшее развитие американского театра оказал МХАТ во время своего посещения США в 1923 году. По справедливому замечанию того же Сейлора, написавшего книгу о МХАТе³, «влияние МХАТа

¹ B. Priestley, «Chekhov as critic», Saturday Review, 17 oct., 1925.

² Oliver Saylor, «The Russian Theatre», 1919.

³ Oliver Saylor «Inside, the Moscow Art Theatre» 1925.

на американский театр нельзя определить при помощи статистики.» Из чеховских пьес МХАТ показал «Вишневый сад», «Три сестры» и «Дядю Ваню». Впечатление от этих спектаклей Сейлор суммирует в простых, но значительных словах: «Американцев покорила необыкновенная человечность русского искусства».

О «живой правде» Чехова в Англии и Америке пишут часто и пишут умно и правдиво. Но нередко под «живой правдой» понимается копирование жизни, фотография ее: и тогда реализм Чехова истолковывается как натурализм. Здесь, в этом вульгарном истолковании, — корень распространенных обвинений Чехова в «серости красок», в «отсутствии сюжета» и т. д. При этом Чехов иногда противопоставляется «яркому», «красочному» Шекспиру. Этому противопоставлению, недавно дала отповедь Маргарет Уэбстер, — один из крупнейших режиссеров сегодняшней Америки, — написавшая в мае нынешнего года «Письмо Чехову».

«Дорогой мистер Чехов (или, вернее, Антон Павлович!) Несколько лет тому назад я имела удовольствие на столбах этой же газеты обратиться с письмом к вашему собрату-писателю и, я в этом уверена, другу — Вильяму Шекспиру... Мне кажется, что, несомненно, существует некое небесное место встреч, где вы встречались с мистером Шекспиром. Драматические школы стремились видеть в вас обоих противоположные полюсы; но в эмпириях вряд ли имеются полюсы, и у вас, и у него, наверное, нашлось много общего. Ваше и его театральное мастерство, совершенно различные по своим средствам и технике, в конце концов стремились к одной цели — приковать к себе зрителей (которые не очень изменились), заставить их смеяться, плакать и самое главное — не оставаться равнодушными».

Маргарет Уэбстер подтвердила свои слова на практике: она заставила зрителя «не оставаться равнодушными» и в своей замечательной постановке «Отелло» (при участии в роли венецианского мавра Поля Робсона) и в своей новой постановке «Вишневого сада» в нынешнем году в Нью-Йорке, — постановке имевшей огромный успех.

Из многочисленных, написанных американцами статей о Чехове упомянем о небольшом, но интересном предисловии к сборнику рассказов Чехова, вышедшем в 1928 году. Автор этого предисловия — профессор чикагского университета Олбрайт (E. M. Albright), озирая творчество Чехова в целом, видит в этом творчестве «мечту о новой России». Олбрайт превозносит «искренность и простоту Чехова, а также то, что он глубоко симпатизирует людям».

«Объективность» Чехова, говорит Олбрайт, в значительной степени преувеличена. По многим сторонам своего творчества Чехов — сатирик. Он стремился «разбудить спящих». «Вдумчивый читатель уж никак не упрекнет его в апатии... Глубоко ошибочно считать его фаталистом... Завет Чехова это завет труда». «Пусть лучшие произведения Чехова, — говорит автор предисловия, — написаны неяркими и даже темными красками, воздействие, ими оказываемое, никогда не бывает ни мрачным,

ни тусклым. Никто, как Чехов, не умеет находить в самой монотонности многообразие». Критик, коснувшись здесь важной проблемы эстетики: написанное темными или «серыми» красками произведение может вызвать прилив ярких и жизнерадостных чувств; наоборот, ослепительно яркая картина порой вызывает чувство внутренней опустошенности и скорби. Непонимание этой проблемы, непонимание всей противоречивой сложности отношения художественного образа к восприятию зрителя или читателя и явилось одной из причин того, что Чехова в Англии и Америке нередко обвиняли в «мрачности».

Маргарет Уэбстер в уже цитированном нами «Письме к Чехову» остроумно опровергает эту вульгарную точку зрения. «У вас существует ремарка, — мысленно обращается она к Чехову, — например «зевает». Я уверена, что вы совершенно не имели в виду ту усыпляющую анестезию, которую нередко вызывает это простое слово. И дальше: «В Америке каждое возобновление ваших пьес вызывает возгласы удивления, потому что тотчас же становится совершенно ясным, что ваши пьесы не серые, мрачные (пожалуйста, сдержите себя, Антон Павлович), а легкие, веселые и даже сродни фарсу, и вместе с тем они грустные до слез, потому что такова человеческая жизнь — одновременно трагическая и смешная, и потому что героизм вдруг рождается у человека самого скромного и менее всего сознающего свой героизм»... Говоря о том, почему Чехов называл «Вишневый сад» «комедией», Уэбстер пишет: «для нас термин «комедия» имеет, более старинное, более универсальное значение, какое он имел для Данте и его «Божественной комедии», а не узкое значение, низводящее этот термин до уровня ревью с голыми женскими ножками или произведений Нолы Каурда».

Перечень английских и американских писателей, в той или иной степени испытавших влияние Чехова, составил бы огромнейший список. Даже в американских «детективных» рассказах порой чувствуется отголосок влияния Чехова. Его влияние на современную английскую и американскую драматургию очень значительно. «Чехов больше, чем любой другой современный драматург, имеет влияние на серьезный театр Англии», — писал недавно Пристли. Драматургия самого Пристли несомненно впитала в себя многие элементы драматургии Чехова. Ясные следы этого влияния носят на себе пьесы Могэма, самого популярного, по количеству постановок, драматурга современной Англии. И, конечно, не без влияния Чехова написана пьеса «Юпитер смеется» («Jupiter Laughs») Кронина, одна из лучших пьес, созданных в Англии за последнее время.

На английской сцене, как и на страницах английской критики, раскрытие Чехова происходило лишь постепенно. Первые чеховские спектакли в Англии (1911—1914) были, повидимому, достаточно бледными в художественном отношении. В середине двадцатых годов Чехов снова появился на английской сцене. С большим успехом прошли в 1926 г. «Три сестры», хотя этот спектакль и был окрашен в искусственные тона «романтической поэтичности», так сказать, «тургеневские» тона

(недаром актеры были одеты в красивые старинные костюмы шестидесятых годов); Тузенбах в этом стилизованном спектакле был красивым молодым любовником. Во всяком случае успех этого спектакля много содействовал популяризации Чехова на английской сцене.

Наиболее значительным чеховским спектаклем в Англии была, повидимому, постановка «Трех сестер» в 1938 году, сделанная в плане живой правды и тонкого психологического рисунка. Из многочисленных американских драматургов, испытавших влияние Чехова, упомянем хотя бы Одетса. Некоторые пьесы последнего в Америке принято называть «чеховскими»¹. Пьесы Чехова постоянно встречаются в репертуарах американских театров, — и профессиональных, и любительских, и студенческих — и нам не раз приходилось читать высказывания американских режиссеров, констатирующих тот факт, что Чехов всегда дает полные сборы и является одним из самых «кассовых» писателей.

Чеховские пьесы проникли и на ирландскую сцену, в знаменитый Эббей-театр в Дублине. Историк ирландской драматургии² указывает на то, как близок Чехов, наряду с Гоголем и Тургеневым ирландскому театру благодаря какому-то внутреннему родству. «Если изменить имена и географические названия в пьесах таких русских писателей, как Чехов, Гоголь, Тургенев, их можно было бы легко выдать за пьесы, написанные ирландцами». Это, конечно, не так. По сравнению с творчеством наших великих драматургов, творчество корифеев ирландской драматургии, — Синга, Йетса, Леди Грегори, — гораздо эксцентричней, гротескней. Но замечательно то, что великие наши писатели в разных странах оказываются близкими и родными разным народам и их действительно большим художникам.

Великая отечественная война против гитлеровской Германии, против темных сил человеконенавистничества и зла, заставила, как мы уже указывали, многих англичан и американцев глубже и правильней оценить сокровища нашей культуры, в том числе и творчество Чехова. В 1942 году вышла уже упомянутая нами книга английского писателя Бейтса, посвященная рассказу, как художественному жанру. Бейтс резко противопоставляет Чехова Мопассану. Он сравнивает Мопассана с поваром, который изготавив блюдо, следит за тем, чтобы читатель съел его так, как этого хочет Мопассан. Чехов, поставив блюдо на стол, деликатно удаляется, предоставляя читателю самому разобраться во вкусе изготовленного блюда.

Если Мопассан, согласно Бейтсу, подходит к человеку с холодной объективностью судебного следователя, то Чехов подходит к человеку как врач, с чувством глубокого сострадания и сам понимает на себя долю ответственности за болезнь своего пациента. Бейтс горячо ополчается на тех критиков, которые обвиняют Чехова за «серость красок» и за то, что «в произведениях его нет сюже-

та и ничего не происходит». В такой оценке виноваты лишь сами невдумчивые читатели. Чехов дает намек, который мы должны сами расшифровать и дополнить. И неверно то, что Чехов скептик: во всех его произведениях нет ни единой, — Бейтс перефразирует Шекспира, — «уксусной улыбки». Замечательно у Чехова то, что в произведениях его нет ничего пошлого, никакой фальши, никакого трюкачества. Тут все настоящее и именно это свидетельствует о глубоком уважении Чехова к своему читателю.

Бейтса восхищает в Чехове «русская чистота души» и «русское величие сердца». Чехов констатировал правду, как он видел и чувствовал ее, и в этом, — пишет Бейтс, — «залог бессмертия Чехова». Великий русский писатель не пессимист. Взор его был обращен в будущее. «Передовые русские писатели девятнадцатого века, — пишет Бейтс, — от Тургенева до Горького, все мыслили на языке понятий нового гуманизма». И констатируя опромяное, продолжающееся влияние Чехова на английскую литературу, Бейтс говорит о том, как «далеко опередил» английских писателей Чехов.

В характеристике Бейтса есть и серьезный недостаток. Чехов в его изображении кажется порой чрезмерно изысканным и трудным писателем, доступным по-настоящему только для «избранных», только «для знатоков литературы». Но ведь с этой точки зрения остается непонятным хотя бы тот простой факт, что «шестипесковые» издания Чехова мгновенно расходятся в Англии.

Но важно и хорошо, что Бейтс сумел понять жизнеутверждающую сущность творчества Чехова.

Мысль о том, что взор Чехова был с надеждой устремлен в будущее, была недавно превосходно сформулирована Пристли в словах, которые мы не можем здесь не воспроизвести: «Чехов больше, чем любой другой современный драматург, имеет влияние на серьезный театр Англии... Своим магическим даром Чехов освободил современного драматурга от цепей старых условностей. Более того, он принес в театр свое великое предвидение, горячую надежду на человечество, глубокое, неиссякаемое чувство сострадания. Россия должна гордиться своим удивительным даровитым сыном, чьи замечательные пьесы и герои волнуют людей во всем мире. И я верю, что Чехов сейчас глубоко гордится бы своей любимой Россией, стремящейся воплотить в жизнь все его надежды»¹.

Родственным мыслями проникнута была и постановка «Трех сестер» в начале 1943 года на Бродвее. «Три сестры, — писал рецензент спектакля², — произведение современной классики. Многие считают эту пьесу одним из величайших произведений мировой драматургии. Люди, созданные Чеховым полвека тому назад, живут сегодня подлинной волнующей жизнью на сцене нью-йоркского театра... Чеховская драматургия звучит и в наше время полным голосом потому, что никто не знал законов человеческого сердца так, как

¹ См. Eleanor Flexner, «American Playwrights», 1938.

² Andrew E. Malone, «The Irish Drama», 1929.

¹ «Литература и искусство», 1 июля 1944 г.

² Журнал «Theatre Arts», февраль 1943 г.

знал их Чехов, и никто не умел так о них рассказать». Спектакль, по мнению рецензента, не снижается тем, что в нем «рассказывается о мечтателях, не сумевших достичь своей жизненной цели». Наоборот, пьеса говорит о «предвидении грядущих перемен». Точно так же и руководитель спектакля писал об оптимизме Чехова, коренившемся в его неиссякаемой вере в грядущие судьбы человечества.

В нынешнем году в Нью-Йорке, как мы уже упоминали, с огромным успехом прошли спектакли «Вишневого сада» в постановке Маргарет Уэбстер. По ее словам, Чехов «никогда не был так близок американцам, как сейчас». Творчество великого русского писателя является крепким звеном в дружбе свободолюбивых народов.

Маргарет Уэбстер и другой выдающийся американский режиссер, поставивший целый ряд чеховских спектаклей, актриса Ива Ле-Гальен писали в телеграмме, присланной ими в Советский Союз в связи с сорокалетием со дня смерти Чехова: «Те из нас, которым выпало огромное счастье работать над пьесами Чехова, чувствуют тесную связь с вами в день 40-й годовщины его смерти. Мы горды тем, что хотя бы в малой степени содейство-

вали ознакомлению американских зрителей с произведениями Чехова. Его мягкий юмор и сердечная гуманность являются бессмертным достоянием всего мира. Высокая оценка произведений Чехова в нашей стране является важным фактором в укреплении все возрастающего взаимопонимания между нашими великими странами». «Чехов,— писал в своей телеграмме американский писатель Джон Гунтер,— распахнул чудесно освещенное окно, через которое американцы могут наблюдать и понимать русскую жизнь. И сейчас, когда все мы понимаем, что означает русская жизнь для мира, наша благодарность Чехову становится все более глубокой». О том же говорила и телеграмма известного американского драматурга Лиллиан Хелман.

Для Уэбстер и Ле-Гальен, как и для Гунтера и Хеллман, произведения Чехова, говоря словами Уэбстер, «полны предвидением будущего» (Уэбстер сравнивала творчество Чехова со «звуками пророческой трубы»).

Так постепенно перед англичанами и американцами открывается подлинное лицо Чехова. Помочь английскому и американскому читателю еще глубже и разносторонней понять творчество Чехова — долг наших критиков и писателей, долг наших литературоведов.